

УДК 821.163.2Бот7Моя.03=161.2

Валерий Лавренов

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ХРИСТО БОТЕВА „МОЯ МОЛИТВА”

Аналізуються особливості реценції та інтерпретації вірша Христо Ботева „Моя молитва” українським та російським перекладачами П. Грабовським та В. Умановим-Каплуновським. Тісний зв'язок форми та змісту твору яскраво ілюструє творчу індивідуальність болгарського поета. Зроблено висновок, що тільки відтворення стилістичних прийомів та ідейної спрямованості оригіналу може зберегти його естетичну цінність.

Ключові слова: реценція, інтерпретація, порівняльний аналіз, першотвір, антитеза, монолог, рима, лексика, мотив, творчість.

Имя и творчество Христо Ботева были известны на Украине уже в XIX столетии. Тут уместно вспомнить статьи украинского эмигранта Я. Романчука, жившего в Болгарии и печатавшегося с 1888 по 1893 год во львовской газете „Діло” под псевдонимом Драган. По сути, он пытался перенести опыт национально-освободительной борьбы болгар на Украину и, пропагандируя его, советовал изучать. В упомянутой выше газете он впервые обратился к украинскому читателю со статьей о Х. Ботева. Назвав поэта революционером, атеистом, он охарактеризовал его как выдающегося поэта, который воспевал освободительную борьбу и призывал к ней [6, с. 49]. Такая статья, разумеется, не могла увидеть свет в другой части Украины. Интерес же к опыту болгарской литературы, к творчеству Х. Ботева в обеих частях Украины связан со сходными национальными и социальными проблемами, которые тревожили славянские народы в одинаковой мере. О национальном вопросе в российской части Украины еще достаточно сильно напоминало „высочайшее повеление от 18 мая 1876 года”, запрещающее переводы на „малорусский язык”. Однако первые украинские переводы поэзии Х. Ботева появились уже в 1894 г. Их осуществил в далекой сибирской ссылке поэт-революционер Павло Грабовский, но опубликовать свои переводы он смог лишь на Западной Украине, т. е. за пределами Российской империи. Именно там в журнале „Заря” (Львов) и появляются на украинском языке два ботевских стихотворения „Моя молитва” и „Элегия” (в оригинале „К моей первой любви”). А через год там же выходит сборник П. Грабовского „З чужого поля”, в котором помещена была и баллада „Хаджій Димитр”.

Однажды академик А.И. Белецкий с сожалением высказался по поводу того, что „поэтические переводы П. Грабовского еще не были предметом научного исследования” [2, с. 469]. За последние годы в этом вопросе произошли некоторые изменения. Касаясь ботевских переводов Грабовского, литературоведы констатируют идейную близость

болгарского и украинского поэтов. Е.В. Шпилевая, например, отметила: „Разыскивая в основном в зарубежных литературах мотивы и идеи, созвучные его оригинальной поэзии, *близкие его политическим убеждениям и литературно-эстетическим взглядам* (курсив наш. – В. Л.), Грабовский обращается к творчеству болгарских революционных и демократических писателей – Ботева, Чинтулова, Раковского, Вазова и др., он и в болгарской литературе находит произведения социального плана” [10, с. 14–15]. Увлечение Грабовского поэзией Х. Ботева В. Дмитрук объясняет „близостью революционных идеалов” [6, с. 58]. Однако в задачу названных ученых не входил анализ переводов. К нему обратился Г.М. Гончарук. В своей первой статье [3] он отметил отклонения от оригинала и пришел к выводу, что Грабовским сделан вольный перевод баллады „Хаджи Димитр”. А во второй статье [4] он уже убеждает, что все его переводы Х. Ботева – свободные.

По поводу первой статьи Г. Гончарука сделала замечания В.М. Поважная, указав на необходимость выяснения источника, которым пользовался украинский поэт. Высказала она также мысль о необходимости сравнения двух редакций перевода стихотворения „Молитва” [7, с. 39]. Трудно сказать, ознакомился ли с этими замечаниями Г. Гончарук. Не это главное, а то, что ученых заинтересовал источник, с которого переводил Грабовский. В год выхода книги В. Поважной появилась третья статья Г. Гончарука, в которой он приходит к выводу, что Грабовский пользовался не оригиналом, а русскими переводами В.В. Уманова-Каплуновского [5], которые появились в сборнике „Баян” в 1888 г. В подтверждение своей мысли исследователь указал на совпадение названий русских и украинских переводов стихотворений Ботева „К моей первой любви” и „Моя молитва” (в переводах они соответственно названы „Элегия” и „Молитва”), на их одинаковое сокращение и порядок строф и упоминает о наличии общих мест [5, с. 65]. Однако обращение Грабовского в своих опытах к русским переводам не должно быть поставлено ему в вину, поскольку оно было вынужденным, ибо в условиях ссылки переводчик не мог располагать болгарским оригиналом. В настоящей статье предлагается более подробный анализ одного из переводов.

Известный в свое время писатель В. Уманов-Каплуновский (1865–1939) сделанным им переводам предпосылал небольшое предисловие, в котором, характеризуя творчество Х. Ботева, говорит о его революционной деятельности, направленной, по его словам, только против турецкого владычества. При этом переводчик исходил из биографии, написанной З. Стояновым. Тут же он дает интересную оценку стихотворения „Моя молитва” и приводит перевод пяти строф. Он называет его „Confession de foi” не только самого Х. Ботева, но и всего современного молодого поколения болгар” [1, с. 43]. Сожалея, что в русской печати оно не может появиться без пропусков, „которые собственно и составляют всю суть этого стихотворения”, В. Уманов протаскивает сквозь цензуру отрывок одного из замечательных ботевских произведений. За этими несколькими строфами П. Грабовский увидел

духовное родство болгарского поэта и перевёл их на украинский язык. Несомненно, имея оригинал, он перевёл бы его полностью.

„Моя молитва” Х. Ботева построена на антитезе и написана в форме монолога, обращенного к Богу. С первой строфы поэт представляет и противопоставляет двух богов: бога наверху, в небе, и бога „в сердце и в душе”. Первого он отрицает, как воплощение зла, и утверждает второго – как воплощение добра. Первый является богом власть имущих, а второй – бог угнетённых. Противопоставление первой строфы передано В. Умановым так:

О, мой боже, правий боже!
Не ти, що си в небесата,
а ти, що си в мене, боже –
мен в сърцето и в душата

О, мой боже, правый боже,
Но не тот, что над вселенной,
Ты – что в сердце, правый боже,
Ты – что в мысли вдохновенной (!?)

Переводчик сохраняет перекрестную рифму, но незаметно переключает внимание на нечто отвлеченное: „...над вселенной”, „...в мысли вдохновенной”. Непонятна постановка вопросительного знака, что, возможно, является результатом неуверенности переводчика. Х. Ботев же всегда решителен и категоричен в своих высказываниях. Замена „в душе” на „в мысли” может показаться не столь существенной, но с вводом яркого эпитета „вдохновенной” происходит некоторый эмоционально-семантический сдвиг.

У П. Грабовского уже здесь заметна связь с русским текстом, из которого пришли выделенные слова:

Щирий боже, правий боже, –
Не пред ким дрїжить вселенна,
А що серце вчути зможе,
що обїме мисль натхненна!

Но П. Грабовский добавляет и свое: „пред ким дрїжить”, „вчути зможе”, „обїме...”. Умановская расплывчатость, отвлеченность исчезли. Текст приобрел конкретное содержание и направление.

Далее в русском переводе опущены со 2-й по 6-ю строфы, в которых Х. Ботев развенчивает и отрицает бога церковников, эксплуататоров и царей. Каждую строфу он начинает со слов „не ты...” Уманов продолжает свой перевод с седьмой строки, где говорится о том боге, в которого верит и которого утверждает болгарский поэт:

А ти, боже на разумът,
защитниче на робите,
на когото щат празднуват
денят скоро народите!

Я тебе молюся, Разум, –
Бог рабов и друг свободы, –
Пред тобой одним все разом,
Все преклонятся народы.

Ботев не молится, а говорит о своем боге, защитнике угнетённых. Поэт уверен, что скоро народы будут праздновать день, когда

восторжествует бог разума. В. Уманов заставляет поэта молиться Разуму, богу рабов и другу свободы, перед которым „все преклонятся народы”. Здесь нет речи о защитнике угнетенных, а появляется мотив нового преклонения. П. Грабовский привязан к русскому тексту, но все же отказывается от последнего мотива, и строфа от того только выигрывает:

Тобі, боже, я молюся,
Боже темних, друже волі;
 Запрохають, як хилюся,
Всі народи в тобі долі.

В последних трех строфах Х. Ботев обращается с призывом к своему богу. Так, в 8-й он просит бога вдохнуть в каждого любовь к свободе и пробудить дух борьбы против народных мучителей:

Вдъхни всекиму, о, боже
 любов жива за свобода –
 да се бори кой как може
 с душманите на народа.

В нас вдохни, о правый боже,
 Дух любви к свободе милой.
 Чтоб боролись мы со славой
С нашей вражескою силой.

В последнем стихе Х. Ботев имеет в виду не только борьбу против иноземного ига, но и социальную. Сделанные русским переводчиком изменения несколько приукрашивают и абстрагируют содержание строфы. Однако П. Грабовский читает умановский текст по-своему. Он интуитивно восстанавливает утраченное, причем умановские детали подчиняются задаче украинского переводчика:

Підійми ж нас, боже, правий,
 Враз за волю милу стати,
 Щоб загинув враг безславий
Щоб котились супостати.

Вместо „славы” в переводе В. Уманова появляется образ бесславного врага. Исчезает абстрактная „вражья сила” и появляются „супостаты”, что больше отвечает оригиналу. Исчезают нотки пустой бравады. Во второй редакции перевода П. Грабовский возвращает в текст „вражью силу”, которая однако не воспринимается здесь отвлеченно, поскольку перед этим появляется оценочное слово „кат” (палач), т. е. новый образ: „Щоб загинув кат безславий, // Щоб побити вражу силу”. К ботевским стихам вернулась в итоге их социальная направленность. Различная трактовка произведения заметна в переводах и дальше. Сравним:

Поддержи мою ты руку,
 Чтоб я мог в рядах восстанья
Затушить навеки муку,
Лечь костями без поруганья.

Підведи ослаблу руку,
 Як за рідний край повстану,
Щоб без ляку зніс я муку,
Ліг тиранам на догану.

Не давай остыть душою
Мне, скитальцу, на чужбине
С песней скорбною одною,
Вопиющего в пустыне.

Не дай, боже, трупом мерти,
Вік тинячись на чужині...
Сліду вражого не стерти
Скорбним співом по пустині.

В оригинале было ясно выражено желание найти могилу во время борьбы восставших рабов. Не совсем понятно, о каком восстании и муке говорится у русского переводчика. Он расслабляет стих интонацией и подбором лексики: „лечь костями”, „скитальцу”, „с песней скорбною”. Тут словно вымалывается сострадание, хотя трудно догадаться, о какой муке идет речь. П. Грабовский был идейно близок Х. Ботеву, поэтому, постоянно подтягивая умановский текст к своему уровню, он заодно приближался и к оригиналу. Выделенные в строфах места в какой-то мере перекликаются между собой, но окраска у них различная. Отражая свои настроения, П. Грабовский вводит и нечто своё: „за рідний край”, „тиранам на догану”, „вік тинячись на чужині”, „Сліду вражого не стерти...” Последнее имеет также и ярко выраженные шевченковские интонации.

Многие черты, характерные для стиля Х. Ботева, свойственны стилю П. Грабовского. Кое-что ботевское, конечно, осталось в переводе В. Уманова, и на это опирался украинский переводчик. Для своих стихотворений, например, П. Грабовский подбирал, как указывает Ю.К. Редько, „те простые слова, которые показывают неприкрашенную, неприкрытую правду горькой крестьянской жизни. Прежде всего бросаются в глаза существительные и прилагательные с социальной доминантой” [8, с. 100]. Именно эту лексику, которую изъясил у Х. Ботева В. Уманов, П. Грабовский смело ввел в свой перевод: „кат”, „супостати”, „тиранам”. Под его пером ботевский текст словно возрождается, вместе с утраченной лексикой возвращается боевой пафос. А в оригинале нетрудно найти соответствующие слова: „мойте братя сиромаси”, „безчестните тарани”, „човешките душмани”, „душманите на народа”. В русском переводе об этой лексике весьма отдаленно напоминают „бог рабов” и „вражескою силой”.

Х. Ботев был весьма эмоциональным поэтом. Эту особенность отмечают исследователи и у П. Грабовского: „Взволнованную, эмоциональную речь сопровождает соответствующая интонация, которую на письме поэт передает средствами пунктуации: восклицательный знак (часто употребляемый Грабовским), точки и вопросительный знак” [8, с. 112]. У П. Грабовского „умановский” стих начинается звучать энергично, приближаясь тем самым к ботевскому.

В сборник Грабовского „3 чужого поля”, вышедший во Львове в 1895 г., помещена „Молитва” в иной редакции первых двух строф. Трудно объяснить мотивацию изменений, внесённых переводчиком, поскольку не удаётся найти их возможный источник. Сравнение двух редакций показывает, что П. Грабовский удалил многие элементы, взятые из русского перевода: „вселена”, „мисль натхненна”, „боже

темних, друже волі”, „всі народи”. Стихи стали звучать тверже и во второй строфе ботевская мысль выражена четче:

Не тобі молюсь я, боже,
 Що тремтять владики – черці, –
 А що мисль обняти зможе,
 Що кохаю справді в серці!
 Перед розумом гну чоло,
 Заборонником пригнутих,
 Дійсним богом, що навколо
 Просвітлить у яму пхнутих.

Анализируя перевод П. Грабовского, Г. Гончарук в свое время отметил сохранение восьмисложного стиха с цезурой и женской „ботевской” рифмы [4, с. 463]. Это отражено и в переводе В. Уманова. Придерживаясь формы русского текста произведения, П. Грабовский в остальном несколько отошел от него, следуя собственному замыслу.

В подтверждение предположения о русскоязычном источнике украинского перевода Г. Гончарук сравнил только первую строфу двух переводов. Здесь были рассмотрены и остальные.

Итак, Х. Ботев в переводе В. Уманова – представитель только национально-освободительного движения. Об этом свидетельствуют изменения образной и идейной структуры стихотворения. Явно симпатизируя болгарскому поэту, переводчик, однако, не решился обострять отношения с цензурой и поэтому приглушил (завуалировал) социальную заостренность произведения. Поэт-революционер П. Грабовский почувствовал это. Существенно, что в его переводе зазвучали не только национально-освободительные, но и социальные мотивы поэзии Х. Ботева. Такого успеха он смог добиться благодаря идейному родству с болгарским поэтом, сходству и общности задач, стоявших перед двумя славянскими народами.

1. Баян : сборник произведений современных славянских поэтов и народной поэзии / пер. В.В. Уманова-Каплуновского. – СПб., 1888. – 108 с.
2. Білецький О.І. Письменник і епоха : збірник статей, досліджень, рецензій з литань української літератури / О.І. Білецький. – К. : Держлітвидав, 1963. – 537 с.
3. Гончарук Г.М. Христо Ботев в українських перекладах / Г.М. Гончарук // Радянське літературознавство. – 1958. – № 4. – С. 77–83.
4. Гончарук Г.М. Произведения на Хр. Ботев в Украйна / Г.М. Гончарук // Език и література. - 1960. – № 6. – С. 462–465.
5. Гончарук Г.М. Христо Ботев и Павло Грабовский / Г.М. Гончарук // Език и література. - 1966. – № 3. – С. 63–68.
6. Дмитрук В. Сторінки вікової дружби: З історії українсько-болгарських зв'язків в ХІХ – початку ХХ століття / В. Дмитрук. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1958. – 95 с.

7. *Поважна В.М.* Павло Грабовський : семінарій / В.М. Поважна. – К. : Рад. школа, 1966. – 160 с.
8. *Редько В.К.* Из спостережень над мовою творів Павла Грабовського / В.К. Редько // Наук. зап. (Львівський педін-т). – Т. 4. – Вип. 1. Серія філологічна, 1955. – С. 97–116.
9. *Уманов-Каплуновский В.* Борцы за славянскую свободу / В. Уманов-Каплуновский // Исторический вестник. – 1907. – № 8. – С. 585–592.
10. *Шпильова О.В.* У творчому єднанні: з історії українсько-болгарських взаємин / О.В. Шпильова. – К., 1958. – 40 с.

Аннотація

Анализируются особенности рецепции и интерпретации стихотворения Христо Ботева „Моя молитва” украинским и русским переводчиками П. Грабовским и В. Умановым-Каплуновским. Тесная связь формы и содержания произведения ярко иллюстрирует творческую индивидуальность болгарского поэта. Сделан вывод, что только воспроизведение стилистических приемов и идейной направленности оригинала может сохранить его эстетическую ценность.

Ключевые слова: *рецепция, интерпретация, сравнительный анализ, оригинал, антитеза, монолог, рифма, лексика, мотив, творчество.*

Summary

The author analyzes the peculiarities of reception and interpretation of Christo Botev's poem „My Prayer” by Russian and Ukrainian translators (V. Umanov-Kaplunovsky and P. Grabovsky). Close connection of form and contents show the bright creative personality of the Bulgarian poet. Reproduction of stylistic devices of the original in the interpretation of poetry can be possible only by preserving its aesthetic value.

Key words: Ch. Botev, translation, translator, reception, interpretation, original, leit-motif, structure, antithesis, monologue, vocabulary, rhyme, creative work.

З редакційного портфеля